Проект 5-100 в восприятии сотрудников университетов

И.Г. ДЕЖИНА*, А.Н. СОРОКИН**

***Ирина Геннадиевна Дежина** – доктор экономических наук, руководитель Департамента анализа научно-технологического развития, Сколковский институт науки и технологий, Москва, Россия; ведущий научный сотрудник, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия, i.dezhina@skoltech.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3402-3433>

****Александр Николаевич Сорокин** – кандидат исторических наук, директор школы исследований окружающей среды и общества (Антпрошкола), Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия, a.n.sorokin@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9219-2115>

Цитирование: Дежина И.Г., Сорокин А.Н. (2022) Проект 5-100 в восприятии сотрудников университетов // Мир России. Т. 31. № 1. С. 74–90. DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-1-74-90

Аннотация

В статье анализируется, как научно-педагогические работники вузов восприняли российскую инициативу превосходства Проект 5-100. Исследование проводилось методом качественных слабоструктурированных интервью на выборке из 83 респондентов, работающих в четырех вузах. Результаты рассматривались в сопоставительном контексте между двумя региональными и двумя столичными университетами, расположенными в Москве и Санкт-Петербурге.

В целом респонденты оценили проект положительно. Главный эффект проекта для представителей региональных университетов заключался в росте качества публикаций, для столичных вузов – в развитии международной кооперации. Критические замечания, прозвучавшие в интервью, касались целей и задач проекта, а также подходов к его реализации в конкретном вузе; отмечались появление различных приемов наращивания числа публикаций и рост бюрократии, связанной с реализацией проекта.

Исследование восприятия Проекта 5-100 сотрудниками столичных вузов, сравнение восприятия проекта сотрудниками столичных и региональных вузов проведены в рамках гранта РНФ №19-18-00485 «Человеческое измерение трансформационных процессов в российских университетах: исторический опыт, тенденции и ответы на вызовы современности». Исследование восприятия Проекта 5-100 сотрудниками региональных вузов выполнено при поддержке гранта Правительства РФ, проект № 075-15-2021-611 «Человек в меняющемся пространстве Урала и Сибири».

Авторы выражают благодарность М.В. Грибовскому, профессору кафедры российской истории (ТГУ, Томск), и Г.З. Ефимовой, доценту кафедры общей и экономической социологии (ТюмГУ, Тюмень), за помощь в проведении интервью.

Статья поступила в редакцию в августе 2021 г.

Ключевые слова: инициативы превосходства, Проект 5-100, результативность, влияние, восприятие, преподаватели и научные сотрудники

Введение

Инициативы превосходства представляют собой инструмент, который государство использует для формирования университетов мирового уровня, чтобы в стране появился «хотя бы один Гарвард» [Kehm 2014, р. 79]. Следование стратегии «выбора победителей», которая лежит в основе идеологии инициатив превосходства, позволяет усиливать избранные университеты, достигая цели повышения конкурентоспособности, в т. ч. за счет роста качества человеческого капитала [Gawellek, Sunder 2016; Menter et al. 2018; Salmi 2009; Салми, Фрумин 2013]; подобные программы развивали более 20 стран мира. При этом участвующие университеты получают от государства дополнительные ресурсы, причем нередко особый акцент делается на развитии науки [Möller et al. 2016]. Кроме того, инициативы превосходства связаны со стремлением стран улучшить позиции своих университетов в международных рейтингах [Martin 2016, р. 19], что усиливает ориентацию университетов на использование систем формальных показателей [Locke 2011; Teichler 2015]. Несмотря на то, что критика рейтингов распространена достаточно широко [Marginson, Rhoades 2002; Тамбовцев, Рождественская 2014], они все же стали мощным инструментом политики и международного влияния [Hazelkorn 2021], что объясняет стойкую приверженность государств к инициативам превосходства.

Россия не была исключением: в 2013–2020 гг. правительство финансировало Проект 5-100 по продвижению российских университетов в мировых рейтингах, целью которого стало вхождение к 2020 г. по крайней мере 5 российских вузов в топ-100 мировых рейтингов. В проекте принимал участие 21 вуз, и по итогам его реализации часть из них улучшила позиции в мировых рейтингах (THE, QS или ARWU).

Значительное число исследований посвящено определению количественных результатов влияния Проекта 5-100 (особенно через призму библиометрического анализа). В то же время меньше внимания уделяется изучению изменений условий для научной работы в университетах, в т. ч. с точки зрения сотрудников университетов – участников проекта. В данной статье представлены результаты анализа 83 интервью, проведенных в четырех университетах – участниках проекта, с целью выявления позитивных и негативных аспектов Проекта 5-100 в восприятии его профессорско-преподавательским составом и исследователями.

Инициативы превосходства и оценки их эффектов

Инициативы превосходства можно рассматривать с позиции теорий организационного менеджмента, поскольку они связаны с изменением работы организаций, стремящихся к лидерству. Такие программы, как правило, реализуются под жестким контролем и на основе системы количественных показателей [Tsvetkova,

Lomer 2019; Baker 2020]. Конкурентоспособность избранных университетов постоянно растет [Gawellek, Sunder 2016; Menter et al. 2018], но в то же время происходит выстраивание бюрократических иерархических структур [Bozeman 2015], тогда как более эффективными с точки зрения условий для введения новшеств считаются децентрализованные организации [Schminke et al. 2000; Pertusa-Ortega et al. 2010].

Пример одной из первых инициатив превосходства, запущенной в 2005 г. в Германии, указывает на наличие смешанных результатов. Положительные эффекты проявились в росте числа статей, в т. ч. высокоцитируемых публикаций, налаживании сотрудничества между университетами и другими организациями сферы науки [Möller et al. 2016]; помимо этого, ряд не участвовавших в проекте университетов смогли сократить разрыв с лидерами [Civera et al. 2020]. Вместе с тем инициатива оказала обратный эффект на качество исследований [Matthews 2020] и не привела к серьезным улучшениям в немецкой исследовательской системе в целом [Möller et al. 2016]. Более того, усилилось расслоение, появилось дополнительное административное бремя и стала прослеживаться тенденция к институциональной фрагментации [Kehm 2013]. Смешанные результаты были получены и в других странах, например в Великобритании и Финляндии. Отмечалось, в частности, расслоение не только между победившими и проигравшими, но и внутри самих университетов, участвовавших в подобных программах [Salmi 2016].

В российском Проекте 5-100 большое внимание было уделено росту научной продуктивности: появилось значительное количество работ, посвященных изучению изменения публикационной активности вузов – участников проекта, которые продемонстрировали наличие положительных изменений, особенно на начальных этапах реализации проекта [Turko et al. 2016; Poldin et al. 2017; Guskov 2018; Agasisti et al. 2019; Agasisti et al. 2020; Matveeva, Ferligoj 2020]. Однако после периода первоначального роста наступил некоторый спад публикационной активности [Agasisti et al. 2020], что могло быть связано с ослаблением эффекта воздействия инструментов стимулирования научной результативности [Дежина 2020], при этом разрыв между участниками проекта и остальными вузами увеличился [Lovakov et al. 2021]. Среди отмеченных проблем зафиксированы рост бюрократии и проявления растущей иерархии [Ключарев, Неверов 2018, с. 110], распространение не всегда добросовестных практик найма персонала, непрозрачность критериев привлечения зарубежных исследователей и консультантов [Трубникова 2020, с. 86]. Также была установлена очевидная корреляция между практикой университетов по закупке услуг у компаний – составителей рейтингов и скоростью продвижения этих вузов в рейтингах [Chirikov 2021].

Таким образом, российские результаты в некоторой степени подтверждают выводы зарубежных исследований инициатив превосходства, где также были выявлены положительное влияние на продуктивность вузов и негативный эффект в виде растущего расслоения в системе высшего образования. Однако пока мало известно, каким образом проект повлиял на изменение условий и атмосферы для научной работы сотрудников вузов-участников. Данная статья имеет целью частично восполнить этот пробел, опираясь на материалы интервью, проведенных в ряде вузов – участников проекта.

Методика исследования

Исследование основано на 83 слабоструктурированных интервью, проведенных в четырех вузах Проекта 5-100. Среди университетов, участвовавших в проекте, практически все столичные вузы были техническими или специализированными, в то время как в регионах были поддержаны классические университеты¹. Среди четырех вузов, включенных в исследование, – два региональных классических университета и два технических университета в Москве и Санкт-Петербурге (далее – столичные вузы). Анализ интервью проводился в сопоставительном контексте между региональными и столичными вузами. Такой ракурс был выбран для оценки того, различается ли отношение к проекту в зависимости от локации вуза.

Таблица 1. Характеристики респондентов

Показатель	Региональные классические университеты		Столичные технические университеты	
	число	доля, %	число	доля, %
Пол				
мужчины	25	61	31	74
женщины	16	39	11	26
Квалификация				
доктор наук	14	34	9	22
кандидат наук	25	61	30	71
без степени	2	5	3	7
Возрастная структура				
моложе 35 лет	6	15	16	38
35–40 лет	10	24	7	16,7
41–50 лет	15	37	10	23,8
51–60 лет	7	17	4	9,5
старше 60	3	7	5	12
Дисциплинарная структура				
естественные	19	47	11	26
технические	3	7	23	54
общественные	9	22	4	10
гуманитарные	10	24	4	10
Всего	41	100	42	100

Источник: составлено авторами.

¹ За исключением Томского политехнического университета.

Учитываемым фактором стал и размер полученного по проекту финансирования. Два университета (региональный и столичный) получали максимальное финансирование (входили в первую группу), двум другим из второй группы выделялось вдвое меньше. Однако следует отметить, что все четыре вуза в течение длительного времени до начала проекта получали дополнительную финансовую поддержку от государства (в частности три университета имеют статус национальных исследовательских (НИУ), причем они вошли программу НИУ на первых этапах ее реализации).

В региональных вузах интервью проводились очно в 2019 г., в столичных университетах также планировались очные интервью, однако в связи с началом пандемии в 2020 г. пришлось перейти к формату с использованием платформы ZOOM. Пул респондентов был сформирован из числа научно-педагогических работников университетов с учетом опыта работы и занимаемых должностей. В число респондентов вошли только те, у кого были статьи в журналах 1-го и 2-го квартилей. Такой критерий был использован для отсека менее результативных сотрудников, отношение которых к проекту было предсказуемо более негативным. Основные характеристики респондентов представлены в *таблице 1*.

Необходимо отметить, что среди респондентов преобладали сотрудники молодого и среднего возраста: их доля превысила среднее значение для вузовской науки². Это позволило определить, каким образом программа повлияла на тех, кто только начинает карьеру в науке или находится на пике ее развития.

1. Основные темы, которые обсуждались с респондентами в ходе исследования их отношения к Проекту 5-100, охватывали три основные области:
2. Степень знакомства респондента с Проектом 5-100, отношение к нему и его влияние на профессиональную деятельность респондента.
3. Позитивные и негативные аспекты проекта либо того, как он был фактически реализован в конкретном вузе.
4. Предложения по совершенствованию самого проекта или процедур в вузе, связанных с участием в нем.

Влияние Проекта 5-100 на научных сотрудников и преподавателей

Региональные классические университеты

Респонденты в обоих вузах так или иначе были включены в отдельные инициативы проекта, хотя встречались единичные случаи, когда о проекте только слышали, но он их не коснулся. Многие респонденты высказались о проекте положительно: позитивное отношение к проекту ассоциировалось с ростом числа публикаций (что рассматривалось как признак профессионального роста), появлением новых позиций в лабораториях и центрах, увеличением личных доходов.

«Программа поставила совершенно конкретные цели по повышению наукометрических показателей университета. И мы как раз подключились, чтобы повышать эти

² По данным за 2019 г., в вузах доля исследователей в возрасте до 60 лет составила 75,8% (Индикаторы науки-2019 (2021). Статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ. С. 221).

показатели. *И я считаю, что успешно подключились»* (мужчина, заведующий лабораторией, 40–50 лет, региональный вуз 1).

Некоторые респонденты рассуждали о пользе проекта в категориях «само-осмысления» и «роста над собой», что также связывалось с увеличением числа публикаций в рецензируемых изданиях.

«<...> Ну как бы сама по себе необходимость прыгнуть выше головы заставляет все-таки подпрыгнуть, прямо скажем. <...> То есть приходится актуализироваться, <...> тащить себя куда-то вверх» (мужчина, заведующий кафедрой, 40–45 лет, региональный вуз 1).

Респонденты, рассуждая о влиянии проекта, редко упоминали международные аспекты, хотя развитие международного сотрудничества было одной из его задач. Небольшое число информантов упомянули о появлении возможности поездок за рубеж и установления новых научных контактов.

«<...> Коллектив продвинулся очень серьезно, это позволило нам расширить международный контакт, купить хорошее оборудование, съездить в международные командировки, запустить <...> новые проекты» (женщина, профессор, 40–50 лет, региональный вуз 2).

Примечательно, что респонденты предпочитали говорить не о себе лично, а несколько отстраненно – о проекте в целом, о вузе, – хотя вопрос формулировался так, чтобы они рассказывали о влиянии, оказанном непосредственно на них, на карьерную траекторию, либо о каких-то других аспектах их собственной работы. При этом лучше всего понимали суть проекта те, кто был привлечен к ее разработке в университете, либо научные сотрудники и преподаватели, принятые на работу в университет именно благодаря проекту.

Столичные технические университеты

В столичных вузах все респонденты оказались в той или иной степени знакомы с проектом. При этом разброс мнений относительно его пользы был больше, чем в региональных вузах, и нередко звучали смешанные оценки. В качестве примера можно привести следующее высказывание:

«На институт он [проект] оказал и позитивное, и негативное влияние, потому что деньги, которые институт получил, нельзя сказать, что они были бесцельно истрачены,

<...> но это очень сильное раздутие административного аппарата, который занимается, так скажем, обеспечением показателей» (мужчина, доцент, 50–60 лет, столичный вуз 1).

Положительное влияние проекта оценивалось преимущественно через изменения, которые произошли с самим респондентом, и в этом состоит существенное отличие столичных вузов от региональных. Воздействие проекта описывалось в основном через изменения включенности респондентов в международную кооперацию и публикационную активность, что отчасти связано с развитием международных связей. Рост мобильности и интернационализации оказался особенно важным для молодых ученых. По всей видимости, именно им удалось в первую очередь воспользоваться возможностями, которые представляла программа.

«<...> Я смог поучаствовать в конференциях, которые проводились за рубежом, соответственно, получилось наладить какие-то контакты, также выросла, наверное, общая мотивация к публикационной деятельности» (мужчина, доцент, 25–30 лет, столичный вуз 2).

«Теперь я понимаю, как это происходит – какие требования у международных конференций и вообще в целом международного сообщества, т. е. мы стали ближе к миру. И мы обогатились от них идеями, мы получили новые идеи для дальнейшего развития» (мужчина, доцент, 30–35 лет, столичный вуз 1).

Примечательны и единичные высказывания, касающиеся изменения организационной культуры и расширения кооперации внутри вуза.

«<...> По-другому стали смотреть в принципе на научно-исследовательскую деятельность. Мы же переходим на то, что мы делаем наши исследования междисциплинарными, т. е. мы уже начинаем переплетать кафедры между собой, они начинают довольно серьезно взаимодействовать в рамках научной и образовательной деятельности, чего раньше не было; было очень мало взаимодействий. <...> Это приводит к совершенно другим результатам» (женщина, заведующий лабораторией, 40–50 лет, столичный вуз 1).

Критика Проекта 5-100

Региональные классические университеты

Критические замечания высказали чуть менее половины респондентов всех возрастных и дисциплинарных групп, причем в значительной степени они касались не столько проекта, сколько его реализации в конкретном вузе.

В региональном вузе 1 выражалось недовольство принятой системой показателей, в первую очередь касающихся публикационной активности. Респонденты говорили о давлении публикационной гонки и связанных с ней проблемах – создании атмосферы нервозности или особенностях финансирования зарубежных исследователей, привлекаемых для выполнения отчетных показателей.

«<...> Да, их [высокорейтинговых ученых] покупают ради имени, публикаций, еще что-то. Но программа закончится, они отработают, уедут и что здесь останется?» (мужчина, профессор, 50–60 лет, региональный вуз 1).

В региональном вузе 2 критика касалась в основном того, что руководство размывает средства проекта по широкому кругу исполнителей без учета их реального вклада.

«Те деньги, которые приходят по Проекту 5-100, намазываются очень тонким коммунистическим слоем на всех, т. е. это означает, что руководство каждому пытается дать немного денежек и никого не обидеть. В результате получается, что очень сильные группы получают денег ненамного больше, чем очень слабые, ну или средние» (мужчина, доцент, 40–45 лет, региональный вуз 2).

Поскольку критика касалась по большей части процедур реализации проекта в конкретных вузах, существенное внимание было уделено росту бюрократизации.

«<...> Этот ком бюрократический сам на себя начинает работать, и это очень заметно. <...> То, для чего раньше нам надо было получить 5 подписей, сейчас стоит 15. <...> Да, бюрократизация растет в геометрической прогрессии» (женщина, профессор, 50–60 лет, региональный вуз 1).

Столичные технические университеты

В столичных вузах половина респондентов высказала те или иные критические замечания о проекте, но практически отсутствовали те, кто говорил о специфике его реализации в конкретном вузе. Скорее, негативные эффекты на уровне вуза объяснялись как реакция на давление сверху, а не самостоятельная политика руководства вуза. Главным объектом критики стали утвержденные чиновниками показатели публикационной активности, отмечались вынужденная реакция на публикационную гонку, а также ее последствия: привлечение иностранцев исключительно для наращивания числа публикаций, накрутка показателей, снижение качества публикаций. Критика последствий гонки за показателями в столичных вузах была острее, чем в региональных, и недовольство высказывали ученые разных возрастов, включая молодежь.

«<...> Это приобретает какие-то гротескные формы, когда создают специально оплачиваемую конференцию, Scorpus'овскую, пишут статьи вместе, ссылаются друг на друга по десять раз, чтобы повысить индекс Хирша» (мужчина, доцент, 30–40 лет, столичный вуз 2).

Второй аспект критики, также совпавший с тем, что обсуждалось респондентами из региональных вузов, – рост бюрократизации в связи с отчетностью по показателям.

«<...> У нас это привело к сильной бюрократизации и к тому, что деньги тратились не на развитие института в целом, а на какие-то отдельные показатели, которые нужно было обеспечить» (мужчина, доцент, 50–60 лет, столичный вуз 1).

Предложения по совершенствованию инициатив превосходства

Региональные классические университеты

В обоих региональных университетах предложения касались того, как улучшить процессы управления в конкретном вузе: изменить подходы к распределению финансирования, привлекать сотрудников к обсуждению направлений расходования средств. Была отмечена важность финансирования не только приоритетных тематик, но и заделов по широкому кругу направлений; также предлагалось высвободить ресурсы за счет сокращения административного аппарата.

«<...> Это упростит очень многие процедуры, это 100 процентов. Это большая экономия издержек, когда сидят четыре человека, тогда как процедуры эти можно решить нажатием кнопки» (женщина, старший научный сотрудник, 30–35 лет, региональный вуз 2).

Ряд предложений по оптимизации финансирования был связан с перераспределением их в пользу постоянных работников университета вместо затрат на внешних консультантов и временно привлеченных внешних специалистов.

«Я бы перестал тратить непомерно большие ресурсы на внешних экспертов и стал бы более серьезно относиться к внутренним ресурсам и к поддержке ведущих групп» (мужчина, директор НИИ вуза, 60–65 лет, региональный вуз 2).

Были высказаны и практические соображения о том, каким образом следует помогать исследователям, обязанным встраиваться в навязанную им систему

отчетности по показателям публикационной активности; так, например, рекомендовалось наладить помощь в публикации статей за рубежом.

«Мы будем писать, вы будете переводить, и вот тебе будет коллаборация под общим сотрудничеством. Почему бы вот так не сделать? А кто-то будет помогать искать эти издания, потому что очень сложно искать журналы 1-го квартала» (мужчина, профессор, 40–45 лет, региональный вуз 2).

Примечательно, что только один респондент среди опрошенных в двух региональных вузах отметил, что благодаря проекту улучшились его знания английского языка. И судя по составу предложений, ряд респондентов смогли приспособиться к отчетности по показателям, поэтому проект не стал для них стимулом для саморазвития.

Столичные технические университеты

В столичных университетах, в отличие от региональных вузов, предложения в основном были направлены на совершенствование программ превосходства, пожеланий о перераспределении финансовых потоков высказано не было. Респонденты выделили такие аспекты, как встраивание молодежи в программы поддержки, изменение системы показателей, интеграция вузов с другими организациями. В интервью звучали предложения о поддержке студентов, интересующихся наукой, и организации для них специальных инициатив.

«<...> Надо активнее эту программу направлять в т. ч. и на создание исследовательских коллективов, которые разрабатывают какие-то опытные образцы с привлечением студентов» (женщина, доцент, 30–40 лет, столичный вуз 2).

Поскольку показатели стали наибольшим объектом критики, то неудивительно, что встречались и предложения по изменению системы оценки. Основные идеи были связаны с сокращением числа индикаторов, изменением системы подсчета публикаций (в т. ч. за счет введения фракционного счета, более точно учитывающего вклад авторов и делающего невыгодными множественные аффилиации).

Заслуживает внимания то, что респонденты из обоих вузов указали на важность интеграции с другими организациями, а именно с научными институтами и предприятиями.

«<...> Интеграция (академических институтов и университетов) – это действительно очень правильная вещь. Вот этого не хватило Проекту 5-100, этого, я бы даже сказала, не было» (женщина, заместитель директора НИИ вуза, 40–50 лет, столичный вуз 1).

«<...> Там не хватает связи с предприятиями, надо, чтобы эта идея звучала более выражено» (женщина, директор НИИ вуза, 60–70 лет, столичный вуз 2).

Среди рекомендаций звучало и пожелание о создании более продолжительных (в отличие от текущей политики быстрых побед и результатов) программ поддержки.

«У нас как бывает: условно говоря, в 2020 году ввели, а в 2021-м хотим сразу увидеть эффект. Я понимаю, что всем хотелось бы финансирование на 10 лет получить» (мужчина, доцент, 40–45 лет, столичный вуз 1).

«Просто нужна другая программа, это не должна быть какая-то временно действующая программа» (мужчина, научный сотрудник, 40–45 лет, столичный вуз 2).

Выводы

Сравнительный анализ представлений респондентов столичных и региональных университетов о Проекте 5-100 и его влиянии на развитие профессиональной карьеры показал, что в целом участники опроса продемонстрировали высокую степень лояльности этому проекту. Акцент был сделан на том, что он в первую очередь был инициирован для усиления науки, что наиболее важно для развития вуза. В целом такое понимание соответствует идеям, которые изначально заложены в инициативы превосходства [Möller et al. 2016].

При этом для всех вузов была характерна сосредоточенность респондентов (в стиле российского общественного дискурса) на теме публикаций; она была даже выше, чем внимание к финансированию. Однако в региональных университетах давление показателей, связанных с публикационной активностью, часть респондентов трактовала в позитивном ключе – как стимул, хотя и жесткий, к тому, чтобы повысить свой профессиональный уровень.

Примечательно, что такие цели, как повышение конкурентоспособности вуза и попадание в рейтинги, обсуждались мало. Вместо этого респонденты указывали на растущую бюрократизацию и ориентацию руководителей на заданные показатели. Такой результат подтверждает положения теории организационного менеджмента, при этом тема усиления бюрократии отмечалась во всех вузах. По-видимому, острота вопроса не снижается: в исследованиях более ранних этапов реализации проекта была выявлена та же тенденция [Lovakov et al. 2021]. Однако наибольшую тревогу вызывает трансформация научной этики, связанной с публикационной активностью. Распространившиеся практики наращивания числа статей размывают институт репутаций, порождают нервозность и в целом показывают отрицательную модель поведения, что особенно чревато для молодых ученых.

Следует отметить, что не выявлена связь характера мнений с масштабами финансирования по проекту. В обеих группах были вузы, получавшие максимальное финансирование по проекту, однако острая критика звучала как в вузах с высоким уровнем финансирования, так и более скромным. Поэтому нельзя утверждать, что,

скажем, в столичных вузах отношение к проекту было лояльнее, чем в региональных, и наоборот.

Две группы вузов различались по характеру предложений о совершенствовании проекта. В столичных вузах респонденты в основном высказывались по поводу возможных направлений развития инициатив превосходства, а в региональных сосредоточились на предложениях по изменению политики руководства вузов, связанной с оптимизацией управления ресурсами. В столичных вузах существенно чаще, чем в региональных, отмечалась необходимость усиления поддержки молодых ученых, студентов и аспирантов – видимо, потому, что коллективы этих вузов «стареют», и проблема удержания молодежи стоит острее, чем в региональных университетах (по крайней мере, в рассматриваемой выборке). Выяснилось также, что в отличие от аналогичных инициатив превосходства [Möller et al. 2016] недостаточное внимание уделялось кооперации с научными организациями и компаниями.

Выявился очевидный позитивный аспект проекта в том, что он предоставил возможности и ресурсы для развития международных связей, причем в различных направлениях и для респондентов разных возрастов. Примечательно, что респонденты говорили об этом не в прагматическом ключе, не как о способе наращивания публикаций за счет международного соавторства или за счет привлечения иностранцев в вуз, а как о ценности обмена идеями, о возможности новых проектов, о росте понимания устройства науки в других странах. При всех ограничениях проекта он способствовал повышению открытости, явившегося очень ценным результатом в условиях нестабильной геополитической обстановки.

Рассмотренные факторы влияния проекта требуют дальнейшего наблюдения в динамике, уже в рамках новой программы «Приоритет-2030», которая заимствует ряд идеологических установок и показателей отчетности Проекта 5-100. Обобщенные оценки научно-педагогических работников позволяют сформулировать несколько выводов о том, чего следует избегать в новой программе, а что было бы целесообразно развивать.

Первое касается самой чувствительной для респондентов темы – показательной оценки. Ужесточение отчетности по публикациям, переход к оценке людей и структур не только по числу индексируемых в международных базах и изданиях, но и требования публиковаться в журналах 1-го и 2-го квартилей без учета специфики научных дисциплин и конкретных научных результатов, – тенденция, сильно проявившаяся именно в университетах Проекта 5-100. Между тем публикация работы в журнале 1-го и 2-го квартилей не гарантирует интереса к ней научного сообщества и высокого цитирования. Как показывают исследования, чаще цитируются публикации не в зависимости от квартиля журнала, а, например, написанные в международном соавторстве [Yingjie, Horvat 2021]. Поэтому если ставится цель повысить качество и значительность научных результатов российских ученых, то должно в первую очередь всесторонне поощряться международное сотрудничество. «Приоритет-2030» мог бы стать экспериментальным форматом, где давление квартилей журналов ослаблено, а приоритет международной кооперации повышен. Тем более, как показали интервью, респонденты видят высокую и многостороннюю ценность в сотрудничестве с зарубежными коллегами.

Второе: важно было бы расширить практику привлечения молодежи к научной работе начиная со студенчества. Аспирантура постепенно становится научной, однако вкус и интерес к науке необходимо развивать на более ранних этапах обучения.

Третье: в «Приоритете-2030» целесообразно поддерживать и поощрять различные виды деятельности, в которые вовлечены научно-педагогические работники: исследовательский, преподавательский, инновационный, социокультурный. В Проекте 5-100 приоритетной была поддержка научных исследований, что обосновывалось необходимостью продвижения в международных рейтингах, однако такой перекос может негативно сказываться на других бизнес-процессах в университете.

Четвертое: следовало бы распространить лучшие практики прозрачного распределения дополнительного финансирования внутри университетов – участников «Приоритета-2030», а также обеспечить вузам возможность долгосрочного финансового планирования и стабильного финансирования (на 3–5 лет), что отсутствовало в Проекте 5-100.

Список источников

- Дежина И.Г. (2020) Научная политика в ведущих российских университетах: эффекты «нового менеджериализма» // Университетское управление: практика и анализ. Т. 24. № 3. С. 13–26. DOI: 10.15826/umpra.2020.03.023
- Ключарев Г.А., Неверов А.В. (2018) Проект «5-100»: некоторые промежуточные итоги // Вестник РУДН. Серия: Социология. Т. 18. № 1. С. 100–116. DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-1-100-116
- Салми Д., Фрумин И.Д. (2013) Как государства добиваются международной конкурентоспособности университетов: уроки для России // Вопросы образования. № 1. С. 25–68 // https://vo.hse.ru/data/2014/08/04/1314334396/2013-1_Salmi-Frumin.pdf, дата обращения 21.08.2021.
- Тамбовцев В.Л., Рождественская И.А. (2014) Реформа высшего образования в России: международный опыт и экономическая теория // Вопросы экономики. № 5. С. 97–108. DOI: 10.32609/0042-8736-2014-5-97-108
- Трубникова Е.И. (2020) Проект 5-100: взгляд через призму теории институциональной корпорации // Мир России. Т. 29. № 2. С. 72–91. DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-2-72-91
- Agasisti T., Abalmasova E., Shibanova E., Egorov A. (2019) The Causal Impact of Performance-based Funding on Universities Performance: Quasi-Experimental Evidence from Russian HE. Preprint WP BRP 221/EC/2019 /, Moscow: HSE.
- Agasisti T., Shibanova E., Platonova D., Lisyutkin M. (2020) The Russian Excellence Initiative for Higher Education: A Nonparametric Evaluation of Short-Term Results // International Transactions in Operational Research, vol. 27, no 4, pp. 1911–1929. DOI: 10.1111/itor.12742
- Baker S. (2020) Do University Excellence Initiatives Work? // Times Higher Education, June 11, 2020 // <https://www.timeshighereducation.com/features/do-university-excellence-initiatives-work>, дата обращения 05.05.2021.
- Bozeman B. (2015) Bureaucratization in Academic Research Policy: Perspectives from Red Tape Theory. DOI: 10.13140/RG.2.1.3496.5848
- Chirikov I. (2021) Does Conflict of Interest Distort Global University Rankings? UC Berkeley: Center for Studies in Higher Education // <https://escholarship.org/uc/item/8hk672nh>, дата обращения 03.05.2021.
- Civera A., Lehmann E., Paleari S., Stockinger S. (2020) Higher Education Policy: Why Hope for Quality when Rewarding Quantity? // Research Policy, vol. 49, no 8. DOI: 10.1016/j.respol.2020.104083
- Gawellek B., Sunder M. (2016) The German Excellence Initiative and Efficiency Change among Universities, 2001–2011. Working Paper. No. 142, Universität Leipzig: Faculty of Economics and Management Science.

- Guskov A.E. (2018) Boosting Research Productivity in top Russian Universities: The Circumstances of Breakthrough // *Scientometrics*, no 117, pp. 1053–1080. DOI: 10.1007/s11192-018-2890-8
- Hazelkorn E. (2021) What Do Global University Rankings Tell Us about U.S. Geopolitics in Higher Education? // *U.S. Power in International Higher Education* (ed. Lee J.J.), New Brunswick, New Jersey: Rutgers University Press, pp. 42–59.
- Kehm B. (2013) To Be or Not to Be? The Impacts of the Excellence Initiative on the German System of Higher Education // *Institutionalization of World-Class University in Global Competition* (eds. Shin J.C., Kehm B.M.), Dordrecht: Springer, pp. 81–97. DOI: 10.1007/978-94-007-4975-7_6
- Kehm B. (2014) Global University Rankings – Impacts and Unintended Side Effects // *European Journal of Education*, vol. 49, no 1, pp. 102–112. DOI: 10.1111/ejed.12064
- Locke W. (2011) The Institutionalization of Rankings: Managing Status Anxiety in an Increasingly Marketized Environment // *University Rankings. Theoretical Basis, Methodology and Impacts on Global Higher Education* (eds. Shin J.Ch., Toutkoushian R.K., Teichler U.), pp. 201–228.
- Lovakov F., Panova F., Sterligov I., Yudkevich M. (2021) Does Government Support of a Few Leading Universities Have a Broader Impact on the Higher Education System? Evaluation of the Russian University Excellence Initiative // *Research Evaluation*, February 2021. DOI: 10.1093/reseval/rvab006
- Marginson S., Rhoades G. (2002) Beyond National States, Markets and Systems of Higher Education: A Glonacal Agency Heuristic // *Higher Education*, vol. 43, no 3, pp. 281–309. DOI: 10.1023/A:1014699605875
- Martin B.R. (2016) What's Happening to Our Universities? // *Prometheus*, vol. 34, no 1, pp. 7–24. DOI: 10.1080/08109028.2016.1222123
- Matthews D. (2020) German Excellence Strategy ‘Harmed Research Quality’ // *Times Higher Education*, August 10, 2020 // <https://www.timeshighereducation.com/news/german-excellence-strategy-harmed-research-quality>, дата обращения 03.06.2021.
- Matveeva N., Ferligoj A. (2020) Scientific Collaboration in Russian Universities before and after the Excellence Initiative Project 5-100 // *Scientometrics*, no 124, pp. 2383–2407. DOI: 10.1007/s11192-020-03602-6
- Menter M., Lehmann E.E., Klarl T. (2018) In Search of Excellence: A Case Study of the First Excellence Initiative of Germany // *Journal of Business Economics*, no 88, pp. 1105–1132. DOI: 10.1007/s11573-018-0909-5
- Möller T., Schmidt M., Hornbostel S. (2016) Assessing the Effects of the German Excellence Initiative with Bibliometric Methods // *Scientometrics*, no 109, pp. 2217–2239. DOI: 10.1007/s11192-016-2090-3
- Pertusa-Ortega E., Zaragoza-Saez P., Claver-Cortes E. (2010) Can Formalization, Complexity, and Centralization Influence Knowledge Performance? // *Journal of Business Research*, vol. 63, no 3, pp. 310–320. DOI: 10.1016/J.JBUSRES.2009.03.015
- Poldin O., Matveeva N., Sterligov I., Yudkevich M. (2017) Publication Activities of Russian Universities: The Effects of Project 5-100 // *Voprosy obrazovaniya / Educational Studies Moscow*, no 2, pp. 10–35. DOI: 10.17323/1814-9545-2017-2-10-35
- Salmi J. (2016) Excellence Strategies and World-Class Universities // *Global Rankings and the Geopolitics of Higher Education* (ed. Hazelkorn E.), London: Routledge, pp. 216–243.
- Schminke M., Ambrose M., Cropanzano R. (2000) The Effect of Organizational Structure on Perceptions of Procedural Fairness // *Journal of Applied Psychology*, no 85, pp. 294–304. DOI: 10.1037/0021-9010.85.2.294
- Teichler U. (2015) Diversity and Diversification of Higher Education: Trends, Challenges and Policies // *Voprosy obrazovaniya / Educational Studies Moscow*, no 1, pp. 14–38. DOI: 10.17323/1814-9545-2015-1-14-38
- Tsvetkova E., Lomer S. (2019) Academic Excellence as “Competitiveness Enhancement” in Russian Higher Education // *International Journal of Comparative Education and Development*, vol. 21, no 2, pp. 127–144. DOI: 10.1108/IJCED-08-2018-0029
- Turko T., Bakhturin G., Bagan V., Poloskov S., Gudym D. (2016) Influence of the Program “5-top 100” on the Publication Activity of Russian Universities // *Scientometrics*, no 109, pp. 769–782. DOI: 10.1007/s11192-016-2060-9

Yingjie F., Horvat M. (2021) How National Science Funders Can Strengthen Global Collaboration and Avoid Isolationism // Issues in Science and Technology, June 9, 2021 // <https://clck.ru/WjSAw>, дата обращения 20.08.2021.

The Perception of the Project 5-100 by University Employees

I.G. DEZHINA*, A.N. SOROKIN**

***Irina G. Dezhina** – DSc in Economics, Head of Division on Analysis of Science & Technology Development, Skolkovo Institute of Science and Technology, Moscow, Russian Federation; Leading Researcher, Tyumen State University, Tyumen, Russian Federation, i.dezhina@skoltech.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3402-3433>

****Alexander N. Sorokin** – PhD in History, Director of School for Environmental and Social Studies (AnthropoSchooL), Tyumen State University, Tyumen, Russian Federation, a.n.sorokin@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9219-2115>

Citation: Dezhina I.G., Sorokin A.N. (2022) The Perception of the Project 5-100 by University Employees. *Mir Rossii*, vol. 31, no 1, pp. 74–90 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-1-74-90

Abstract

We analyze the impact of the Russian excellence initiative Project 5-100. In particular, we consider its impact on research activities at participant universities as viewed by their research and teaching staff. The study is based on qualitative semi-structured interviews with 83 respondents from four universities: two regional, one located in Moscow, and one in Saint Petersburg. Overall, the respondents considered the program as a positive development. However, half of them expressed critical views on the program's objectives and how the program was implemented at particular universities. The primary positive outcomes include the improved quality of publications (perceived as particularly important by the staff of regional universities) and international cooperation (most frequently mentioned in Moscow and Saint Petersburg universities). Critical views concerned the methods for boosting the publication records, and the growing bureaucracy, partly associated with performance evaluation. Suggested areas for improvement included more extensive involvement of students in research and better cooperation with industry and state research institutions. The latter was in contrast to the academic excellence initiatives implemented abroad, which appeared to have the opposite effect. In Russia, a new initiative Priority-2030 provides an opportunity to address the deficiencies of Project 5-100. We recommend reducing pressure to publish, de-emphasizing the formal bibliometric evaluation of performance, supporting and encouraging activities that have a synergetic effect on research (e.g., educational, innovational, sociocultural), and extending financial planning in universities to a three- to five-year horizon.

The study of attitudes towards Project 5-100 by university employees from Moscow and Saint-Petersburg was conducted with the support of the Russian Science Foundation, grant №19-18-00485 “The human dimension of transformation processes in Russian universities: historical experience, trends, and responses to the contemporary challenges”. The field study in regional universities was conducted with support from the Russian Government, grant № 075-15-2021-611 “Humanity in the changing space of the Urals and Siberia”.

The article was received in August 2021.

Keywords: *excellence initiatives, Project 5-100, results, influence, perceptions, teaching and research staff*

References

- Agasisti T., Abalmasova E., Shibanova E., Egorov A. (2019) *The Causal Impact of Performance-based Funding on Universities Performance: Quasi-Experimental Evidence from Russian HE*. Preprint WP BRP 221/EC/2019 /, Moscow: HSE.
- Agasisti T., Shibanova E., Platonova D., Lisyutkin M. (2020) The Russian Excellence Initiative for Higher Education: A Nonparametric Evaluation of Short-Term Results. *International Transactions in Operational Research*, vol. 27, no 4, pp. 1911–1929. DOI: 10.1111/itor.12742
- Baker S. (2020) Do University Excellence Initiatives Work? *Times Higher Education*, June 11, 2020. Available at: <https://www.timeshighereducation.com/features/do-university-excellence-initiatives-work>, accessed 05.05.2021.
- Bozeman B. (2015) *Bureaucratization in Academic Research Policy: Perspectives from Red Tape Theory*. DOI: 10.13140/RG.2.1.3496.5848
- Chirikov I. (2021) *Does Conflict of Interest Distort Global University Rankings?* UC Berkeley: Center for Studies in Higher Education. Available at: <https://escholarship.org/uc/item/8hk672nh>, accessed 03.05.2021.
- Civera A., Lehmann E., Paleari S., Stockinger S. (2020) Higher Education Policy: Why Hope for Quality when Rewarding Quantity? *Research Policy*, vol. 49, no 8. DOI: 10.1016/j.respol.2020.104083
- Dezhina I.G. (2020) Research Policy in Leading Russian Universities: Effects of ‘New Managerialism’. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz / University Management: Practice and Analysis*, vol. 24, no 3, pp. 13–26 (in Russian). DOI: 10.15826/umpa.2020.03.023
- Gawellek B., Sunder M. (2016) *The German Excellence Initiative and Efficiency Change among Universities, 2001–2011*. Working Paper. No. 142, Universität Leipzig: Faculty of Economics and Management Science.
- Guskov A.E. (2018) Boosting Research Productivity in top Russian Universities: The Circumstances of Breakthrough. *Scientometrics*, no 117, pp. 1053–1080. DOI: 10.1007/s11192-018-2890-8
- Hazelnkorn E. (2021) What Do Global University Rankings Tell Us about U.S. Geopolitics in Higher Education? *U.S. Power in International Higher Education* (ed. Lee J.J.), New Brunswick, New Jersey: Rutgers University Press, pp. 42–59.
- Kehm B. (2013) To Be or Not to Be? The Impacts of the Excellence Initiative on the German System of Higher Education. *Institutionalization of World-Class University in Global Competition* (eds. Shin J.C., Kehm B.M.), Dordrecht: Springer, pp. 81–97. DOI: 10.1007/978-94-007-4975-7_6
- Kehm B. (2014) Global University Rankings – Impacts and Unintended Side Effects. *European Journal of Education*, vol. 49, no 1, pp. 102–112. DOI: 10.1111/ejed.12064
- Kliucharev G.A., Neverov A.V. (2018) Project “5-100”: Some Interim Results. *RUDN Journal of Sociology*, vol. 18, no 1, pp. 100–116 (in Russian). DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-1-100-116
- Locke W. (2011) The Institutionalization of Rankings: Managing Status Anxiety in an Increasingly Marketized Environment. *University Rankings. Theoretical Basis, Methodology and Impacts on Global Higher Education* (eds. Shin J.Ch., Toutkoushian R.K., Teichler U.), pp. 201–228.
- Lovakov F., Panova F., Sterligov I., Yudkevich M. (2021) Does Government Support of a Few Leading Universities Have a Broader Impact on the Higher Education System? Evaluation of the Russian University Excellence Initiative. *Research Evaluation*, February 2021. DOI: 10.1093/reseval/rvab006

- Marginson S., Rhoades G. (2002) Beyond National States, Markets and Systems of Higher Education: A Glonacal Agency Heuristic. *Higher Education*, vol. 43, no 3, pp. 281–309. DOI: 10.1023/A:1014699605875
- Martin B.R. (2016) What's Happening to Our Universities? *Prometheus*, vol. 34, no 1, pp. 7–24. DOI: 10.1080/08109028.2016.1222123
- Matthews D. (2020) German Excellence Strategy ‘Harmed Research Quality’. *Times Higher Education*, August 10, 2020. Available at: <https://www.timeshighereducation.com/news/german-excellence-strategy-harmed-research-quality>, accessed 03.06.2021.
- Matveeva N., Ferligoj A. (2020) Scientific Collaboration in Russian Universities before and after the Excellence Initiative Project 5-100. *Scientometrics*, no 124, pp. 2383–2407. DOI: 10.1007/s11192-020-03602-6
- Menter M., Lehmann E.E., Klarl T. (2018) In Search of Excellence: A Case Study of the First Excellence Initiative of Germany. *Journal of Business Economics*, no 88, pp. 1105–1132. DOI: 10.1007/s11573-018-0909-5
- Möller T., Schmidt M., Hornbostel S. (2016) Assessing the Effects of the German Excellence Initiative with Bibliometric Methods. *Scientometrics*, no 109, pp. 2217–2239. DOI: 10.1007/s11192-016-2090-3
- Pertusa-Ortega E., Zaragoza-Saez P., Claver-Cortes E. (2010) Can Formalization, Complexity, and Centralization Influence Knowledge Performance? *Journal of Business Research*, vol. 63, no 3, pp. 310–320. DOI: 10.1016/J.JBUSRES.2009.03.015
- Poldin O., Matveeva N., Sterligov I., Yudkevich M. (2017) Publication Activities of Russian Universities: The Effects of Project 5-100. *Voprosy obrazovaniya / Educational Studies Moscow*, no 2, pp. 10–35. DOI: 10.17323/1814-9545-2017-2-10-35
- Salmi J. (2016) Excellence Strategies and World-Class Universities. *Global Rankings and the Geopolitics of Higher Education* (ed. Hazelkorn E.), London: Routledge, pp. 216–243.
- Salmi D., Froumin I.D. (2013) Excellence Initiatives to Establish World-Class Universities: Evaluation of Recent Experiences. *Voprosy obrazovaniya / Educational Studies Moscow*, no 1, pp. 25–68. Available at: https://vo.hse.ru/data/2014/08/04/1314334396/2013-1_Salmi-Froumin.pdf, accessed 21.08.2021 (in Russian).
- Schminke M., Ambrose M., Cropanzano R. (2000) The Effect of Organizational Structure on Perceptions of Procedural Fairness. *Journal of Applied Psychology*, no 85, pp. 294–304. DOI: 10.1037/0021-9010.85.2.294
- Tambovtsev V., Rozhdestvenskaya I. (2014) Higher Education Reform in Russia: International Experience and Economics. *Voprosy Ekonomiki*, no 5, pp. 97–108 (in Russian). DOI: 10.32609/0042-8736-2014-5-97-108
- Teichler U. (2015) Diversity and Diversification of Higher Education: Trends, Challenges and Policies. *Voprosy obrazovaniya / Educational Studies Moscow*, no 1, pp. 14–38. DOI: 10.17323/1814-9545-2015-1-14-38
- Trubnikova E. (2020) Project 5-100: A View through the Prism of the Theory of Institutional Corruption. *Mir Rossii*, vol. 29, no 2, pp. 72–91 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-2-72-91
- Tsvetkova E., Lomer S. (2019) Academic Excellence as “Competitiveness Enhancement” in Russian Higher Education. *International Journal of Comparative Education and Development*, vol. 21, no 2, pp. 127–144. DOI: 10.1108/IJCED-08-2018-0029
- Turko T., Bakhturin G., Bagan V., Poloskov S., Gudym D. (2016) Influence of the Program “5-top 100” on the Publication Activity of Russian Universities. *Scientometrics*, no 109, pp. 769–782. DOI: 10.1007/s11192-016-2060-9
- Yingjie F., Horvat M. (2021) How National Science Funders Can Strengthen Global Collaboration and Avoid Isolationism. *Issues in Science and Technology*, June 9, 2021. Available at: <https://clck.ru/WjSAw>, accessed 20.08.2021.